

А
Осип Дымов

Александр Михайлович Добролюбов

Воспоминания о серебряном веке.

Сост., авт. предисл. и коммент. Вадим Крейд.

М.: Республика, 1993.

OCR Ловецкая Т. Ю.

В комнату вошел молодой, очень красивый студент в университетском сюртуке, в белых перчатках, с фуражкой, какие тогда носили только "белоподкладочники" из "золотой элиты". Черные проникновенные глаза сияли необычайной серьезностью. Говорил он картавя, сбивая букву "р" на "л", что придавало его речи своеобразную прелесть.

Это был Александр Михайлович Добролюбов, "А. М. Д.", как он себя называл (это из Пушкина: А. М. Д. "своею кровью начертал он на щите").

Было это в 1897 году в Петербурге, в скромной квартире вблизи Екатерининского канала, неподалеку от Мариинского театра. Мне тогда шел 19-й год; я только приехал из провинции и готовился: в Технологический институт, в Лесной, в Академию художеств -- все равно куда -- только бы попасть в высшее учебное заведение. Добролюбов был на два-три года старше. Я с изумлением слушал и старался понять его речь. Все или почти все было непонятно.

Я познакомился с его книжкой стихов. Тощая серенькая книжечка со странным названием "Natura Naturarum"¹. Мне объяснили: Добролюбов с группой друзей называют себя "символистами", "декадентами": Валерий Брюсов, Коневской (Ореус), Василий Гиппиус, К. Фридберг² и отчасти Бальмонт. Запомнилась строчка из его серенького сборника:

И туманы болотные
Зажигали огни.

(Речь шла о сорокалетнем скитании древних евреев в пустыне.)

Частые мои встречи с Добролюбовым происходили в доме Я. И. Эрлиха, дяди моего, где я жил. Ученик Римского-Корсакова, преподаватель музыки, философ, человек очень одаренный, Эрлих любил и ценил Добролюбова.

Прошло несколько лет, и Добролюбов исчез.

-- Пришел мужик, хочет вас видеть,-- сказала мне в одно зимнее петербургское утро горничная Глаша, -- ждет на кухне.

На кухне увидел я Добролюбова -- "А. М. Д.", символиста, эстета, тонкого знатока живописи, "белоподкладочника", превратившегося в "мужика"! Его черные, изумительно чистые и честные глаза стали еще прекраснее; легкая борода легла на его лицо. Шестьдесят лет прошло с тех пор, а я не могу забыть его лица, лика, сказал бы я.

На кухне была Глаша, оба дворника и "брат Осип". Добролюбов говорил нам о братстве, о всеобщей любви... Его речь была проста, не подделываясь под язык народа, и чрезвычайно выразительна. Потом вошел в комнаты и долго говорил с моей бабушкой по-немецки, утешал и вспоминал о погибшем "брате Якове" (Эрлих). От чаю отказался, но съел несколько ломтиков хлеба.

На ночь он остался у меня (хотя была у него удобная и уютная квартира, мать, братья, сестры). Он деловито свернул свой крестьянский зипун на полу, близ обеденного стола, снял часть своей невзыскательной одежды и, не помолясь, не сказав больше ни слова, свернулся и затих. Уснул.

Утром я уж не застал его. Ушел он рано на заре, ни с кем не простившись, ушел в Москву. Именно ушел -- пешком. Денег у него не было. Для чего были ему деньги? Приходил в какую-либо деревню, стучал в окно, предлагал помочь по хозяйству, наколоть дров, убрать конюшню, и вот у него уже был скудный обед и теплая изба. А потом шел дальше.

В Москве он остановился у Брюсова. Перечитал все книги, какие вышли в свет за время его отсутствия, не нашел в них ничего стоящего внимания и скрылся, исчез из среды, которая ему теперь казалась чужой³.

Его видели изредка то в одном, то в другом месте. Странник Божий. Неожиданно появилась его новая книга небольшого формата -- "Из книги невидимой". Вряд ли можно ее сейчас где-либо достать. Я помню отрывки из нее: "Я повстречался в лесу с медведем. Истинно хочет он примириться с вами".